

— Вернемся, выпьем немного вина "Персиковый нектар", не принимай близко к сердцу.

Чжэцзы редко сам предлагал что-то, и Лю Яоцин тут же отпустил ситуацию. Ведь это его не касалось, каждый сам живет своей жизнью.

Кроме того, пять банок вина "Персиковый нектар" были отправлены императору, и сразу же сто лянов серебра оказались в руках Лю Яоцина в качестве награды.

Получив серебро, Лю Яоцин был невероятно рад и начал обдумывать, как обустроить гору.

Чжао Фэйтэн долго бродил по деревне и не уходил, но деревенские не имели ни вина "Нектар небожителей", ни "Персикового нектара", поэтому, даже имея деньги, он не мог их купить. В некоторых домах, где жили юноши и девушки, двери были закрыты, и никого не пускали.

Лю Яоцин также поселил Юй-гэ и Шэнь-ши на горе, выделил им комнату. Каждый день кан была натоплена, немного вычитали из заработной платы, символически, и Юй-гэ тоже ел с семьей.

Увидев, что у Юй-гэ на горе появилась комната, Чжэцзы тоже прибрал себе одну, рядом с комнатой, где спал Лю Яоцин. Внутри были новые одеяла и новая одежда, а также, подражая Лю Яоцину, он сделал две лежанки для собак и птиц на краю своей кан.

Однажды Лю Яоцин зашел не в ту комнату и подумал, что это его спальня.

Чжао Фэйтэн задержался надолго, узнал о награде императора Лю Яоцину, а также о том, что в деревне еда была не слишком хорошей, и многие юноши избегали его. Жизнь была невеселой, и он был вынужден уйти.

Вэй-ши несколько раз выходила одна и возвращалась, но в день, когда Чжао Фэйтэн ушел, она тоже вышла и не вернулась.

— Говорят, она сама ушла к своим родителям, — улыбнулся Лю Яоцин. — Пусть Чжун-гэ сходит и спросит.

В тот же день Чжун-гэ пошел к родителям Вэй-ши, но никого не нашел.

Семья Лю скрыла от деревенских, что Вэй-ши ушла к родителям, но через день-два это было нормально, а через десять дней, месяц, все уже знали, что Вэй-ши не дома.

Старик Лю не велел Чжун-гэ идти в уездный город искать Чжао Фэйтэна. Неизвестно, что он думал.

Дни шли своим чередом. Лю Яоцин несколько раз видел Чжун-гэ: он похудел и почернел, стал молчаливым, совсем не таким, как раньше.

В теплице кукуруза наконец дала початки. Они были не очень большими, из-за холода и недостатка света потребовалось почти четыре месяца, чтобы зерна начали появляться. Если нажать ногтем, выступал белый сок.

— Собери пять штук и отправь в уездный город, — сказал Лю Яоцин. — Такую хорошую вещь я не могу оставить себе, лучше будет ее преподнести. Я также напишу письмо и попрошу уездного начальника Ду передать его императору.

Свежие початки кукурузы были очищены, оставлена только тонкая белая оболочка, сварены в

воде. Аромат был необычным, а вкус просто великолепен.

Пять початков были отправлены императору, а Лю Яоцин сам сварил десять, съел два, несколько отдал Юй-гэ и Син-гэ, а также Ли-ши и третьему дяде Цинь. Остальные достались Чжэцзы.

Что касается старика Лю, Лю Яоцин пока не хотел давать ему: информация должна была оставаться в секрете.

Бао-гэр и Чжао-гэр тоже получили по два початка, чтобы сами сварили и съели.

— Это, наверное, стоит немало денег, я... — Бао-гэр все это время работал в теплице, редко выходил на солнце, стал бледнее, лицо округлилось, и он вырос.

Лао-гэр быстро очистил кукурузу, положил в кастрюлю и сказал:

— Цин-гэр сказал нам есть, так что едим.

— Именно так. Хотя это и редкая вещь, но не стоит забывать, что это благодаря Бао-гэру и дедушке, которые каждый день трудятся, чтобы получить такой хороший урожай.

Лю Яоцин беспокоился, что Бао-гэр и Лао-гэр не станут есть, специально зашел и услышал это.

— Ты прав, — подумав, Бао-гэр согласился с Лю Яоцином.

В теплице было много кукурузы, все это они вырастили сами. Кроме Лю Яоцина и Чжэцзы, а также часто забегавших погреться Эр Ха, Хэйбэй и Мао Бай, больше никто не заходил.

Кукуруза была сладкой и ароматной, легко варилась, и сейчас была особенно вкусной.

— Когда кукуруза созреет, придется снова работать, — улыбнулся Лю Яоцин. — Бао-гэр и дедушка должны продолжать следить...

Свежая кукуруза, всего пять початков, вместе с письмом Лю Яоцина была доставлена на стол императору.

Оценка урожайности с му, условия для выращивания кукурузы, вкус и так далее — все это было примерно подсчитано Лю Яоцином на основе урожая в его теплице. Фактическая урожайность могла быть еще выше.

И в отличие от картофеля, который был высокоурожайным, кукуруза была более сладкой и вкусной, особенно молодая кукуруза. Вареная без каких-либо добавок, ее вкус мог покориť даже императора, который пробовал все деликатесы.

И снова пришла награда, вместе с небольшим отрядом солдат, которые прибыли в деревню Шангу.

К этому времени молодая кукуруза уже закончилась. Лю Яоцин выбирал и ел ее три дня, на четвертый день съел оставшуюся кукурузу, но переел, и утром не смог встать с кан, пока Чжэцзы не пришел и не обнаружил это.

— Чжэцзы-гэ, мне плохо, — Лю Яоцин лежал на кане, спина была теплой, но живот болел, и все лицо было сморщено.

Редко можно было увидеть такого Цин-гэра. Чжэцзы сел на край кан, засунул руку под одеяло и начал массировать живот Лю Яоцина через ткань.

— Я помогу тебе помассировать, — теплая рука Чжэцзы легла на живот Лю Яоцина, и он аккуратно массировал.

Лю Яоцин сжал губы, чувствуя неловкость, и начал говорить что-то, чтобы отвлечься.

— Чжэцзы-гэ, я хочу вина "Персиковый нектар".

— Выпьешь, когда станет лучше, — Чжэцзы редко отказывал Лю Яоцину, но на этот раз он чувствовал себя немного неловко и поспешил добавить. — Если ты продолжишь так, то заболеешь.

Живот был круглым, и по мере того как Чжэцзы массировал его, внутри становилось теплее. Лю Яоцин чувствовал себя неловко, потому что у него появилась реакция.

Запястье Чжэцзы случайно коснулось того места, где появилась реакция, и его рука на мгновение остановилась, затем он продолжил массировать, но его глаза стали глубже, и он время от времени украдкой смотрел на Лю Яоцина.

— Мне нужно в уборную! — вдруг крикнул Лю Яоцин.

Сбросив одеяло, он, не надевая теплую одежду, побежал в уборную, где быстро справил нужду.

Чжэцзы с теплой одеждой последовал за ним.

— Чжэцзы-гэ, ты не можешь войти, — Лю Яоцин, увидев ногу Чжэцзы, крикнул.

Уборная на горе отличалась от деревенской: она была вырыта в виде глубокой канавы, обложена камнями, щели замазаны желтой глиной, сверху положена доска, а вокруг, кроме двери, были стены. В углу лежал плоский камень для хранения сухой травы. В будущем Лю Яоцин планировал провести воду, чтобы после посещения уборной можно было смыть.

— Там холодно, — Чжэцзы стоял у двери уборной, убрал ногу.

— Я быстро, — Лю Яоцин чувствовал себя немного неловко. Его ягодицы были видны, и если бы их увидели, он бы чувствовал себя как...

Он быстро натянул штаны, вышел и увидел Чжэцзы, держащего его теплую одежду. Лю Яоцин действительно замерз, но Чжэцзы просто завернул его в одежду и поднял на руки.

— Пойдем греться, — лицо Чжэцзы было слегка красным, но шаги были уверенными.

Вернувшись в комнату, он уложил Лю Яоцина на теплую кан и сел на край, глядя на него.

— Цин-гэр, снаружи много людей, — Син-гэ зашел в комнату, откинув занавеску у двери, и увидел Лю Яоцина в постели. — Цин-гэр, что с тобой?

— Со мной все в порядке, кто там пришел? — Лю Яоцин укрылся одеялом, собираясь согреться перед тем, как встать.

Больше он не будет есть так много кукурузы. Но она была настолько вкусной, что сейчас, кроме небольшого количества муки, в доме были только крупы. Хотя они часто ели мясо,

кукуруза была особенной.

— Такие же, как Хань Да, и говорят, что тебе нужно выйти за наградой, — Син-гэ знал, что Хань Да и другие были необычными людьми, но не знал их настоящего статуса.

— Я понял, позови маму и папу, пусть переоденутся в хорошую одежду, — Лю Яоцин пошевелился под одеялом, собираясь взять одежду с края кан, но Чжэцзы уже подал ее.

<http://bllate.org/book/16688/1532016>